МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.К. Касаткина

МУЗЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ: КРАТКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ[1]

Фотография уже давно стала одним из инструментов полевой работы антрополога и используется не только для фиксации данных, но и для их получения. Подробно об этом можно прочесть, например, в книге Дж. и М. Коллиров [Collier, Collier 1986], в более кратком изложении — в статье Дж. Коллира [Collier 2003]. В работе с информантами фотографии помогают за короткое время собрать всесторонние сведения о местной истории и географии, границах владений и формах собственности, отношениях между людьми, местных названиях растений и животных, получить ценные комментарии к определенным событиям, обрядам, технологиям [Там же: 238–239].

Фотографии более эффективно, чем вопросы исследователя, провоцируют пространные монологи и дают информацию не только о фактах, но и об эмоциональном отношении к ним [Там же: 246]. Совместный просмотр фотографий упрощает коммуникацию между исследователем и информантом, создает иллюзию равенства их позиций, уменьшает неловкость, обычную в ситуации интервью. «Несколько фотографий способны перенести исследователя в сердце сообщества за один вечер интервью» [Там же: 245].

[1] Благодарю за поддержку моей поездки Комиссию МАЭ РАН по грантам на зарубежные командировки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Коллиры, однако, писали главным образом о фотографиях, современных по отношению к исследованию, подразумевая, что антрополог перед тем, как отправиться к информантам, обошел местность с фотоаппаратом или даже поднялся над ней на самолете, чтобы получить снимки с большой высоты для картографирования территории. Фотографии, хранящиеся в архивах и музеях, тоже могут использоваться в полевой работе, как показано в трудах ряда исследователей [Helm 1981; Bravman 1990; Kaplan 1991; Scherer 2003], однако они обладают спецификой, которую необходимо учитывать.

Описание некоторых особенностей старинных фотографий и их приблизительную систематизацию на примере иллюстративного фонда МАЭ можно найти в статье Е.Б. Толмачевой [Толмачева 2010: 38–42]. К. Джири дает обзор использования исторических фотографий из европейских музеев и архивов в исследованиях Африки, а также уделяет много внимания актуальным для всех фотоархивов проблемам хранения, отбора и атрибуции исторических фотографий, о которых важно помнить при работе с ними [Geary 1986].

Краткий, но насыщенный обзор проблем, с которыми сталкиваются те, кто работает со старыми фотографиями, можно найти в статье Дж. Шерер [Scherer 2003], где перечислены также возможные пути применения старинных фотоснимков в антропологии. Они могут не только служить иллюстрациями к тексту, но и выступать в качестве самостоятельных источников для изучения изменений в культуре, особенностей возникновения и действия стереотипных образов; фотографии помогают восстанавливать исторические события, атрибутировать предметы музейных коллекций [Там же: 206–207].

Шерер приводит несколько примеров использования старых фотографий в полевых исследованиях. Так, канадский антрополог Джун Хельм в 1979 г. привезла в индейскую деревню в Канаде фотоснимки, сделанные там в 1913 г. Ей повезло найти человека, который помнил то время и помог ей идентифицировать изображенных людей, а также географические объекты и события. Но задача Хельм не сводилась к идентификации. Комментарии ее информанта к фотографиям помогли восстановить статусную ие-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

рархию и связанные с ней знаки отличия, которые действовали в этом поселении в то время [Helm 1981].

В других случаях старые фотографии помогали полевым исследователям в изучении таких тем, как исторические изменения в культуре, семья и отношения в обществе, статусная иерархия и знаки престижа, ценности и идентичность, отношение к возрасту и смерти, отношение к историческим событиям [Bravman 1990; Kaplan 1991].

Мой опыт использования материалов из иллюстративного фонда МАЭ в поле отличается от приведенных выше примеров, среди прочего, своей вынужденной краткостью. Полевая работа не являлась главной целью моей поездки в Малайзию, но я намеревалась воспользоваться возможностью для небольшой вылазки в поле, чтобы посмотреть, что можно сделать, и наметить дальнейшие шаги в моем исследовании фотографий.

В июле 2010 г. я представляла на конференции Исследовательского совета Борнео в городе Мири (штат Саравак, Малайзия) одну из коллекций фотографий, подаренных МАЭ в 1914 г. немецким собирателем Альбертом Грубауэром[1]. Конференция эта проходит раз в два года и собирает исследователей разных специальностей, объединенных интересом к острову Калимантан[2]. Фотографии, которым я посвятила доклад, были сделаны в Британском Северном Борнео — современном малазийском штате Сабах, который граничит с Сараваком, где проходила конференция.

Увидев на современной географической карте Сабаха названия деревень и городов, в которых Грубауэр сделал свои фотоснимки около века назад, я, конечно, не могла не воспользоваться возможностью поехать туда после конференции и посетить хотя бы часть мест, где побывал немецкий путешественник.

По прошествии столь длительного времени трудно надеяться, что все еще жив кто-то из свидетелей визита Грубауэра, однако надежда обнаружить потомков запечатленных на снимках людей, которые узнают на снимке бабушку или прадеда, оставалась.

---

[1] О коллекциях Грубауэра в МАЭ см.: [Ревуненкова 1994; 1997; Соболева 2000; Кисляков 2007; Касаткина 2009; 2010; Касаткина, Толмачева 2010].

[2] Самый большой остров Юго-Восточный Азии в русскоязычной традиции называется Калимантан, в англоязычном мире — Борнео. В то же время в Малайзии и Индонезии Калимантаном называют индонезийскую (южную) часть острова, а Борнео — малайзийскую (северную).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Гораздо более я рассчитывала на то, что местные жители расскажут что-то об «этнографическом» содержании снимков (предметах, постройках, одежде), а также помогут атрибутировать фотографии, у которых неясна географическая и этническая принадлежность изображенных реалий. Таким образом, второе (и главное) мое отличие от всех перечисленных исследователей заключается в том, что фотографии являлись для меня не инструментом, а прежде всего объектом исследования.

Чтобы показывать снимки в деревнях, я распечатала подборку из 68 фотографий коллекции (всего их 109), по две фотографии на листе формата А4, чтобы изображения было удобно рассматривать, а на полях делать заметки. Это пригодилось: из поездки я привезла листочки со сплошь исписанными полями, причем писала на них не только я, но и мои информанты.

В первую очередь я отбирала наиболее четкие изображения и «характерные» сюжеты, т.е. изображения людей и построек. Впоследствии стало ясно: мои критерии «характерности» были ошибочны, распечатать стоило все снимки, в том числе и пейзажи, которые показались мне поначалу малоинтересными и однообразными.

Фотографии вызвали бурный интерес еще на конференции в Мири, где присутствовали многие специалисты по истории и культуре народов Саравака и Сабаха. Мне с самого начала удалось получить подробные комментарии экспертов, а также приглашение посетить музей Сабаха.

Я выражаю глубокую признательность за гостеприимство и помощь, которую оказали мне Джудет Джон Баптист из музея Сабаха, Патрисия Регис, много лет возглавлявшая этот музей, глава отдела истории Стелла Му-Тан, глава отдела этнологии Су Чин Сидих, а также Тазудин Мохтар — глава отдела этнологии и управления коллекциями музея Саравака, Питер Симан и Закария из фотоархива музея Саравака, Питер Кедит из фонда Тун Джугаха, Энн Эпплтон, Хейди Мунан и другие. Все эти люди любезно согласились ознакомиться с моими материалами и дали ценные комментарии к фотографиям и коллекционным предметам, делясь своим большим опытом изучения культур Сабаха и Саравака.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Как оказалось, визуальных свидетельств истории Сабаха начала XX столетия осталось не так уж много. Самая большая коллекция из нескольких тысяч снимков, которая хранится в музее Сабаха, — это фотографии британского колониального чиновника и этнографа Дж.К. Вулли, сделанные на протяжении первой половины XX в. Поэтому коллекции из Северного Борнео, хранящиеся в МАЭ, очень заинтересовали специалистов в Сабахе.

Итак, после конференции я отправилась в город Кота Кинабалу, столицу штата Сабах, чтобы посетить музей Сабаха — центр изучения культуры и истории региона. Чтобы полностью повторить маршрут Грубауэра, объехавшего всю западную часть Сабаха, у меня не хватало ни времени, ни средств, и я выбрала две деревни, расположенные недалеко от национального парка Кинабалу и всего в полутора часах езды на автомобиле или автобусе (около 85 км) от столицы. Это Бунду Тухан и Киау, где Грубауэр явно останавливался перед восхождением на вершину горы Кинабалу и сделал довольно много фотографий (6 — в Бунду Тухан[1] и 12 — в Киау).

Первый европеец поднялся на вершину горы Кинабалу в 1851 г., его имя было Хью Лоу. С 1964 г. вокруг горы разбит национальный парк, который вместе с инфраструктурой (гостиницы, хостелы, кафе, такси) обеспечивает рабочими местами большинство жителей окрестных деревень и городков, в том числе и Киау и Бунду Тухан.

Перед тем как посетить деревни, я побродила по парку, чтобы посмотреть, как сейчас выглядят места, где 100 лет назад проходил Грубауэр. В МАЭ есть фотографии, сделанные им недалеко от вершины Кинабалу. Это горные пейзажи (колл. № 2344-100, 2344-103), знаменитые цветы непентеса (кувшиночника) (колл. № 2344-102).

Сейчас, когда вершина Кинабалу превратилась в парк и стала местом массовых посещений туристов, многое изменилось. Грубауэр еще смог сфотографировать непентес в диком состоянии, но мне удалось увидеть его только в Ботаническом саду, разбитом на территории парка. Горшочки с этими хищными растениями теперь закрыты решеткой со специальным отверстием для фотографирования, чтобы защитить их от краж.

[1] В материалах Грубауэра ошибочно «Bundu Tuwan».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

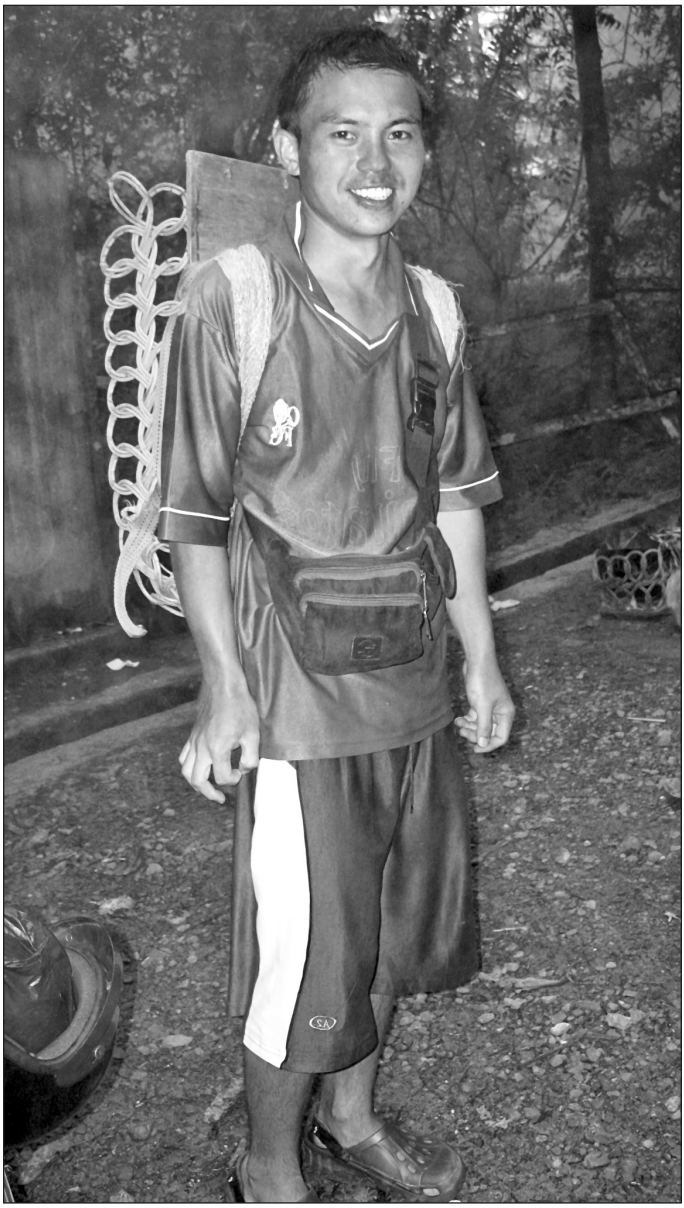

Рис. 1. Местный проводник у начала маршрута восхождения на гору Кинабалу. Фото автора. 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

На вершину Кинабалу группы туристов по-прежнему водят местные проводники — молодые люди в ярких ветровках, но с традиционными плетеными переносками *selabit* за спиной (рис. 1), подобные которым можно разглядеть и на снимках столетней давности (колл. № 2344-64, 2344-106).

Земли вокруг горы Кинабалу — край дусунов[1], самого многочисленного народа Сабаха. Здесь возделывают суходольные рисовые поля, выращивают фрукты и ананасы. Бунду Тухан сейчас довольно большая (по местным меркам) деревня с населением около 2000 чел. (по данным переписи 2000 г.), расположенная сравнительно недалеко от парка Кинабалу и основного шоссе. С 1956 г. здесь действует католическая миссия, стараниями которой в Бунду Тухан появились больница, школа, детский приют, дом престарелых, а также дорога, соединившая деревню с внешним миром.

С одним из основателей миссии, братом Бенедиктом, мне посчастливилось встретиться. Брат Бен, как его называют местные жители, приехал из Нидерландов и уже 54 года работает в Бунду Тухан. Он увлекается фотографией и за все эти годы собрал большой фотоархив, который позволяет проследить историю развития поселения от бамбуковых хижин, крытых пальмовыми листьями, которые застал еще Грубауэр, до дощатых и каменных домов с цинковыми крышами, которые стоят здесь теперь.

Брат Бенедикт любезно принял меня в здании миссии и показал свои фотографии. Он тесно связан с жизнью Бунду Тухан, прекрасно владеет дусунским языком, знает многих жителей с рождения. О каждом, кто изображен на его многочисленных фотографиях 1960–1970-х годов, он может что-то рассказать.

Вторая деревня, которую я намеревалась посетить, Киау, значительно менее развита (мне даже не удалось найти информации о численности ее населения) и более труднодоступна. Из информационного плаката на стене хостела, где я ночевала, мне удалось узнать, что Киау состоит из трех частей: Киау Сату (букв. «Киау-

[1] «Дусуны» — собирательное название для множества близкородственных общностей. Некоторые из них сейчас настаивают на общем названии «кадазандусуны», но у других это вызывает протест, поэтому я позволю себе сохранить здесь более старое название.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

один»), Киау Табури и Киау Нулух — последняя, самая старая и удаленная часть, у подножия горы Кинабалу. Туда-то мне и нужно попасть — рассудила я и оказалась права.

Как рассказал мне один житель Киау (большой знаток местной старины и организатор лагерей выживания в джунглях для туристов), именно в Киау Нулух раньше начинался маршрут восхождения на вершину Кинабалу. Таким образом, если путь Грубаэура лежал на гору, он не мог не побывать здесь. В Киау Нулух располагался также опорный пункт для ученых-натуралистов, именно отсюда они уходили в лес за образцами для своих исследований. Однако после оползня, который завалил дорогу в горах, маршрут восхождения пришлось перенести, и Киау Нулух оказалась на отшибе.

В Бунду Тухан мне сказали, что там я смогу увидеть постройки более старого типа, близкие к изображенным на фотографиях Грубауэра. К сожалению, у меня не было возможности осмотреть деревню более тщательно, но даже на первый взгляд там действительно было значительно больше бамбуковых домов на сваях, похожих на старые постройки, хотя крыш старого типа из пальмовых листьев я в районе горы Кинабалу так и не увидела.

Мои ожидания, основанные на знакомстве с приведенными выше примерами полевой работы с фотографиями, в значительной степени подтвердились. Фотографии действительно оказались эффективны в завязывании коммуникации, буквально открывая передо мной двери. Жители деревень, где я побывала, привыкли иметь дело с туристами со всего мира (и, похоже, с учеными тоже), это основная часть их заработка. Они доброжелательны, в целом представляют, что может интересовать иностранных гостей, и в общении с ними держатся определенных рамок. Однако туристы обычно не появляются в деревнях, расположенных слишком далеко от шоссе, и мой визит, похоже, стал неожиданным вторжением.

Фотографии же сразу снимали вопрос о цели моего появления, и мне не приходилось долго объяснять людям, что мне от них нужно. Им самим было интересно посмотреть на старые снимки, мне советовали поговорить с пожилыми людьми, чтобы узнать больше. Жителю Бунду Тухан, который подвез меня до централь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

ной площади деревни, было достаточно крикнуть пришедшим туда по своим делам людям, что у меня есть старые фотографии этих мест, чтобы они собрались вокруг меня и начали рассматривать мои распечатки (рис. 2).

Рис. 2. Жители Бунду Тухан рассматривают фотографии своей деревни, сделанные 100 лет назад. Фото автора. 2010 г.

По пути в Киау меня подобрал местный житель, приехавший в Сабах из Бельгии. Сначала он согласился подвезти меня до магазина, куда ехал сам, но после того как я рассказала ему, зачем я здесь, и показала фотографии, он изменил свое решение и отвез меня в Киау Нулух, проделав по бездорожью в три раза более долгий путь, чем намеревался изначально, и познакомил со своим партнером по бизнесу, который дал очень ценные комментарии к снимкам.

Рассматривая фотографии, люди обращали внимание прежде всего на предметы, постройки, одежду, говорили мне их названия, по моей просьбе записывали их на полях распечаток. Их интересы, таким образом, отчасти совпали с моими. Так, я узнала, что женщина на фото № 2344-98 держит в руках инструмент для выкапывания батата (*ubi*) под названием *kakali*, а у мужчины на снимке № 2344-91 на плече висит маленькая плетеная сумка

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

belait, за плечами — сумка *sabit*, а на поясе — кинжал *danggol*. Мне сообщили даже, как называется тип крыш домов на снимке № 2344-97 — *sinarut*.

Спешка (у меня был всего один день, чтобы посетить обе деревни) не позволила подробно расспросить о каждом предмете и практике его использования в старину и в наше время, это требует более длительного пребывания в поле. Интересно, однако, почему люди сразу, не дожидаясь моих вопросов, считали нужным сообщить мне именно дусунские названия предметов на фотографиях (в том числе типа крыши), если знали их, и почти не комментировали их использование.

Не было и других возможных реакций — никто не комментировал позы или выражения лиц, как можно было бы ожидать, исходя из нашего повседневного опыта просмотра фотографий, особенно старых. Два-три человека, впрочем, отметили почтенный возраст старика на снимке № 2344-92. Возможно, мои информанты полагали, что меня интересует исключительно то, как эти вещи называются по-дусунски, поскольку я явно не знала этого языка (я говорила с ними по-английски и по-малайски[1]), а их практическое применение и так должно быть достаточно мне очевидно.

Только один пожилой житель Бунду Тухан попытался узнать человека, изображенного на снимке № 2344-84 (рис. 3), и даже отвел меня к старосте деревни, который был старше его, в надежде, что тот поможет ему вспомнить. Староста не помог, что неудивительно, ведь Грубауэр сделал эту фотографию в начале XX в., а оба мои собеседника родились в 1930-е годы. Зато они вдвоем долго рассматривали снимок № 2344-85, обсуждая узор на полосе у днищ корзин-вакидов за плечами у изображенных девушек, пока не согласились, в конце концов, что эти вакиды были сделаны именно в Бунду Тухан, а не где-либо еще.

Мои надежды, что кто-нибудь узнает своих родственников, не оправдались, но я успела поговорить с очень ограниченным количеством людей, так что при более длительной работе в деревне, думаю, шансы найти потомков героев фотографий Грубауэра будут выше.

[1] Государственный язык Малайзии — малайский, но между собой дусуны говорят на своем языке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

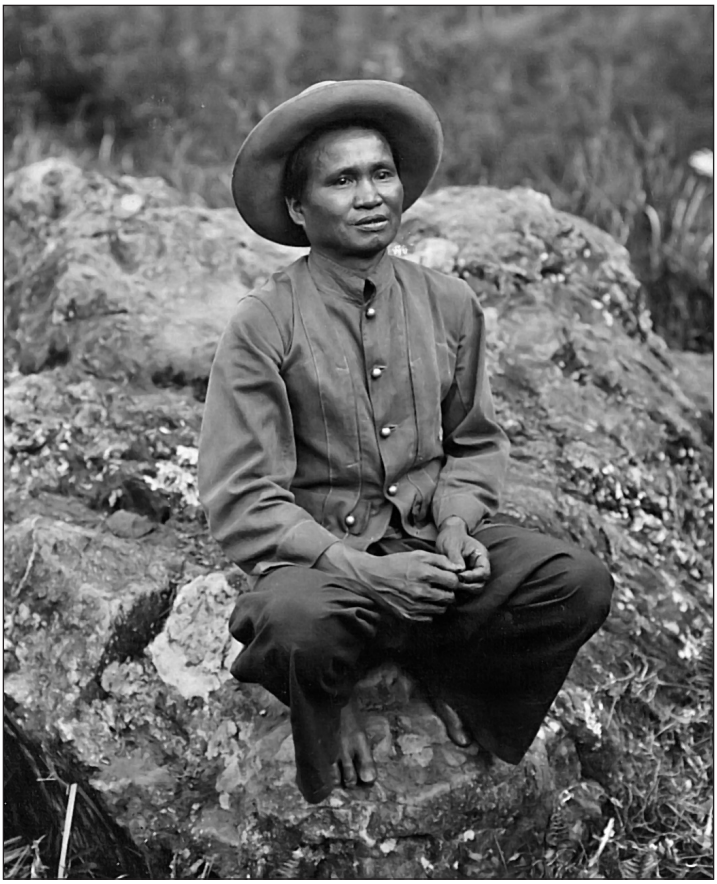

Рис. 3. Дусунский вождь из Бунду Тухан (Ketua kampong, букв. « деревенский староста»). Фото А. Грубауэра (МАЭ РАН, колл. № 2344-84)

Неожиданным для меня стал интерес к ландшафтам, который проявили некоторые мои информанты. Тот же самый пожилой человек из Бунду Тухан, который, как мне показалось, считает себя экспертом по части истории своего края, предположил, что место на снимке № 2344-82 — это старая часть деревни, ближе к горам, чем то место, где мы разговаривали. Но, добавил он, таких домов там уже давно нет, деревня с тех пор разрослась, а деревьев стало меньше.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Настоящая дискуссия разгорелась вокруг фотографии № 2344-101, где изображен лагерь, разбитый, видимо, по пути к вершине Кинабалу (рис. 4). Одни были уверены, что это пещера Пака, где все, кто идет к вершине, делают последний привал. Другие с не меньшей уверенностью заявили, что это вовсе не привал, а картина из жизни поселения, что, впрочем, опровергается подписью к этому снимку («Ночной лагерь в горах Кинабалу»). Наиболее вероятной мне представляется версия моего информанта из Киау, который узнал на фотографии пещеру Лубонг, служившую, по его словам, для привала в те времена, когда еще использовался старый маршрут от Киау.

Он же узнал пейзаж на фотографии № 2344-89 и сообщил, что этот снимок был сделан с той же точки, где сейчас стоит его дом, только немного ниже по склону, и вдали на нем видна старая британская дорога, ныне перекрытая из-за оползня. И тогда я поняла, что мне следовало включить в распечатки больше пейзажей, ведь те, кто провел в этих горах всю жизнь, действительно способны узнать местность по фотографии, даже если в ней произошли какие-то изменения за минувшие годы.

Загадкой осталась серия фотографий из местности, название которой можно предположительно расшифровать по рукописным записям Грубауэра как Rinagong. На современной карте такого названия нет, однако нумерация снимков свидетельствует о том, что они были сделаны в районе горы Кинабалу, и многие, кого я спрашивала об этом, говорили мне, что такое поселение там действительно есть. При этом все, кому я показывала фотографии людей оттуда (колл. № 2344-73, 2344-74), соглашались, что их одежда и украшения (медные браслеты на руках, шее и талии) характерны только для народа рунгус, который в то время, как и сейчас, жил в районе Кудат, значительно севернее горы Кинабалу.

Эмоции и комментарии жителей деревень, где я побывала, при просмотре фотографий, несомненно, отражают и их отношение к своей истории, и состояние их памяти о прошлом. Разумеется, одних моих наблюдений недостаточно, чтобы делать окончательные выводы, здесь же я вижу свою задачу лишь в том, чтобы показать, что можно узнать, демонстрируя людям музейные фотографии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Ночной лагерь в горах Кинабалу.
Фото А. Грубауэра (МАЭ РАН, колл. № 2344-101)

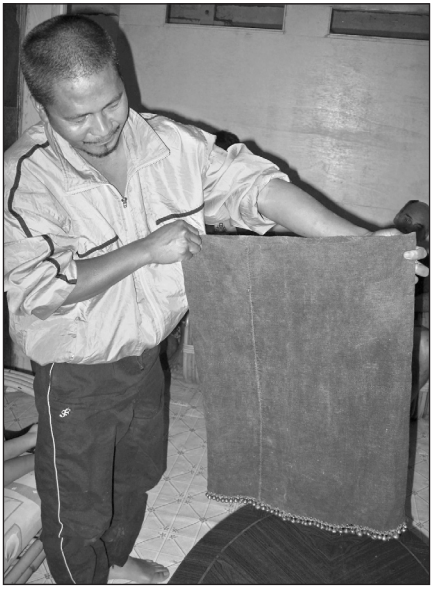

Рис. 5. Житель Киау показывает юбку, сотканную из ананасовых волокон, которая принадлежала его бабушке. Фото автора. 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

Можно было заранее предположить, что со свидетельствами колониальной эпохи в Сабахе возникнут определенные сложности, подобные тем, с которыми столкнулся Б. Бравман, показывая своим кенийским информантам снимки христианских миссионеров 1920–1930-х годов, сыгравших противоречивую роль в их истории [Bravman 1990: 333]. Дело не только в том, что в начале XX в. Британский Северный Борнео находился под властью Британской коммерческой компании, но и в том, что предки современных жителей деревень, о которых идет речь, на тот момент еще придерживались местных культов, в то время как сейчас подавляющее большинство из них христиане (в основном католики), лишь очень малая часть — мусульмане.

Отношение к культурному наследию — важный вопрос для христиан Сабаха, который им приходится решать, лавируя между своей христианской верой, уважением к предкам, широким спросом среди приезжих на «экзотику» в условиях бурного развития туризма в регионе и общим курсом Малайзии на укрепление своего образа мусульманской страны. Распространяемое компромиссное мнение гласит, что прежняя религия — это часть культурного наследия и ее следует хранить именно в этом качестве, не принимая всерьез ее предписания и видение мира.

Именно под таким знаком проводятся традиционные праздники, в которых участвуют пожилые жрицы-*бобохизан*, создаются культурные деревни-музеи, включающие в себя прежние дома черепов (где продолжают храниться черепа жертв былой охоты за головами, выполняющие одновременно функции и экзотических реликвий для туристов, и символов доблести предков для местных жителей[1]). Правда, надо сказать, что ближайшая такая деревня-музей находится примерно в 100 км от Киау и Бунду Тухан, и остались ли еще жрицы прежней религии в этих деревнях, я так и не узнала. В Киау, впрочем, мне показали старый дом черепов.

Среди фотографий Грубауэра, сделанных у горы Кинабалу, есть только одна, в определенной степени связанная с религией, это снимок № 2344-101, где на переднем плане видна плетеная

[1] Директор культурной деревни Монсопиад (подразделения музея Сабаха) недалеко от Кота Кинабалу, показывая мне дом черепов, рассказывал, что каждый год жрицы-*бобохизан* проводят в доме специальные ритуалы, поэтому духи убитых его предком-воином, в честь которого названа деревня, не опасны.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

клетка для курицы (рис. 4). Этнографы из музея Сабаха сразу же обратили на нее мое внимание и сообщили, что птицу явно несут, чтобы совершить жертвоприношение на вершине горы Кинабалу, которую традиционная религия дусунов считает обиталищем духов. Жители деревень у горы, напротив, ничего не говорили об этой клетке, и лишь когда я задавала прямой вопрос, соглашались, что это может быть курица для жертвоприношения, но больше ничего не говорили. Такие клетки, впрочем, до сих пор используются для содержания домашней птицы, и, думается, не привлекли внимания на фотографии именно поэтому.

Другой пример предмета современного быта со старых фотографий — это заплечные корзины-вакиды (их можно увидеть на фотографиях № 2344-85, 2344-86, 2344-98). Вакиды тоже по-прежнему производятся и широко используются, о чем мне с гордостью сообщили в Бунду Тухан, однако в отличие от клеток для кур они стали культурным символом Сабаха и сохранения традиций. Их изображают на футболках, уменьшенные копии продают в качестве сувениров, так что вакиды все время на виду и играют роль «местной экзотики», и, возможно, именно поэтому мои информанты сочли нужным обратить на них мое внимание.

В целом у меня создалось впечатление, что жители Сабаха достаточно высоко ценят свое прошлое и культурное наследие. Замечу, впрочем, что, просматривая фотографии, мои информанты в основном интересовались только теми из них, которые касались их деревни, и откладывали снимок, как только понимали, что это другое место. Это может указывать на масштаб их интереса к своему прошлому и в конечном итоге — на масштаб их самоидентификации.

Многие хранят дома старые вещи, принадлежавшие предкам, и не хотят продавать их ни за какие деньги. Это и плетеные сумки и короба, и кувшины *tajau,* и старая домотканая одежда. Мой информант в Киау бережно хранит юбку, сотканную из ананасовых волокон, каких в деревне уже больше не делают, и объясняет свое нежелание ее продавать (несмотря на многочисленные, по его словам, предложения) тем, что это единственная вещь, которая у него осталась от бабушки (рис. 5). В то же время у него в доме можно увидеть много более новых вещей: плетеные короба

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

и веялки для риса, ножи. Их он держит специально для продажи туристам[1].

Аналогичное разделение между новоделом на продажу и более «аутентичными» старыми вещами я наблюдала на еженедельном рынке *таму* в Пенампанге, пригороде Кота Кинабалу, куда приходят за покупками и местные жители, и туристы. Над лотками с антиквариатом и сувенирами висели дусунские традиционные женские пояса из медных колец, нанизанных на полосы ротанга. Однако купить можно было только некоторые из них, в то время как на других красовалась этикетка с надписью: «Не для продажи, только для демонстрации». Как мне объяснили, на продажу выставлялись китайские пояса, изготовленные недавно фабричным способом. Но сами дусуны носят только старые пояса, делавшиеся когда-то вручную (и только по особым случаям), и ни за что не продадут их, так как такие пояса больше никто не делает.

Почему старые пояса приносят на рынок, осталось для меня загадкой, ведь обычный неискушенный турист не способен отличить их от новых. Возможно, это лишь хитрый способ набить цену в ожидании, когда придет настоящий покупатель, а может быть, попытка повысить статус подделок, доказав их связь с традицией (пояса китайской работы стоят достаточно дорого). Не исключено также, что демонстрация старых поясов во время *таму* — это часть символической коммуникации внутри местного сообщества, и приезжие любители сувениров здесь ни при чем.

Еще одна примета прошлого со старой фотографии, которая, как мне показалось, вызвала у моего пожилого информанта в Бунду Тухан ностальгическую улыбку, — прическа мальчика на снимке № 2344-95. Он рассказал, что раньше у всех детей брили голову и оставляли только небольшой клок волос у мальчиков спереди, как на фотографии, а у девочек сзади. На фотографиях Грубауэра, правда, нет ни одной девочки с такой прической, а единственный подстриженный таким образом мальчик изображен на снимках № 2344-94 и № 2344-95 с подписью «Мальчик с необычной прической» (рис. 6).

[1] Как я уже упоминала, он занимается организацией лагерей выживания в джунглях для приезжих.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

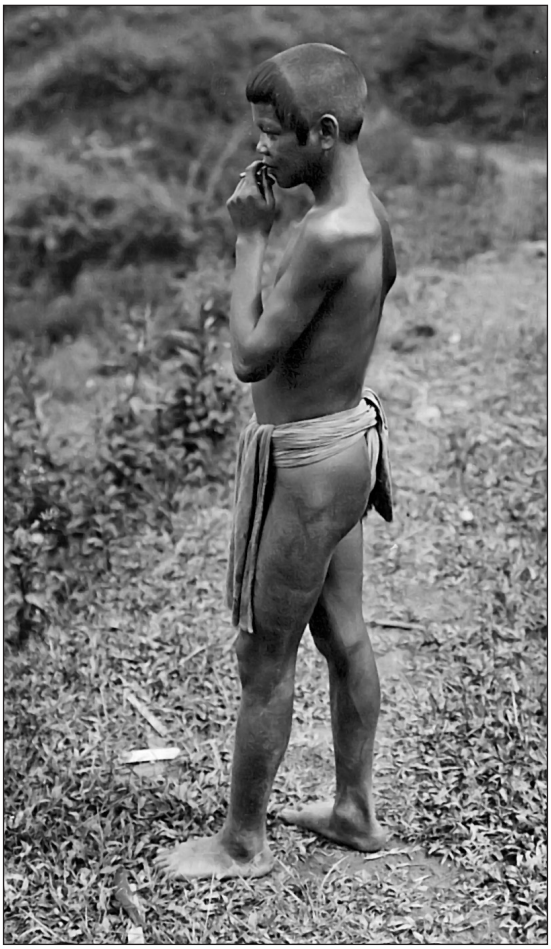

Рис. 6. Дусунский мальчик из Киау со странной прической.
Фото А. Грубауэра (МАЭ РАН, колл. № 2344-95)

Не значит ли это, что детские прически такого типа уходили в прошлое уже во времена Грубауэра? Только два человека обратили внимание на фотографию этого мальчика: мой пожилой информант из Бунду Тухан и знаток местной истории из Киау, который даже сообщил, что остававшийся клок волос назывался *bangki*. Остальные то ли уже не знают об этой традиции, то ли не сочли ее для меня интересной.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

И все же некоторые моменты в прошлом оказались связаны для моих информантов с чувством неловкости. Так, всех мужчин в Бунду Тухан, с которыми я говорила, очень смущали люди в набедренных повязках на фотографиях (*sontot*, как мне объяснили, в современном дусунском языке буквально значит *underwear*, «нижнее белье»). «Мы так уже не ходим!» — убеждали они меня и смущенно смеялись. Женщины с обнаженной грудью на снимках при этом не вызвали никаких комментариев.

Зато староста на снимке № 2344-84 привлек внимание нескольких человек именно потому, что он одет иначе, чем остальные, — в брюки, рубашку и шляпу, возможно, китайского или европейского изготовления (рис. 3). Прозвучало предположение, что этого человека прислали в Бунду Тухан англичане и назначили здесь старостой. Пожалуй, это единственное упоминание о колониальной власти, которое мне встретилось в моем путешествии по деревням.

Такое стереотипное восприятие изображений, связанных с определенной эпохой или тематикой, думается, характерно для всех людей. Интересным может быть конкретное содержание стереотипов восприятия. В данном случае чужеземной одежды оказалось достаточно, чтобы ее обладатель воспринимался как чужой. Если в контексте колониальной эпохи чужеземец обладает властью, он явно получил ее от колонизаторов, таких же наделенных властью чужих.

Если на старой фотографии изображен белый человек, сидящий на вершине горы Кинабалу, — значит, это первый европеец, покоривший вершину (именно так мне сказала одна молодая женщина из Бунду Тухан), невзирая на то что между восхождением Х. Лоу на Кинабалу в 1851 г. и созданием снимка № 2344-105 прошло не менее полувека.

Попытка вывезти музейные фотографии в поле показала, что они действительно чрезвычайно эффективны для поиска информантов, завязывания коммуникации и получения информации не только по истории и культуре, но и об отношении к ним, эмоциях, с ними связанных, а также о существующих стереотипах восприятия истории. Все эти сведения представляют собой возможный контекст для фотоснимков Грубауэра, который может быть использован при их дальнейшей публикации или экспонировании.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

В качестве альтернативных контекстов может выступать история народов Сабаха (безотносительно их современного состояния и восприятия своей истории), история европейской или отдельно немецкой этнографической фотографии, история изучения Сабаха или история комплектования фондов МАЭ. Как представляется, для публикации хорошо было бы объединить все эти контексты, чтобы раскрыть потенциал фотографий Грубауэра в качестве разносторонних источников информации.

Идентифицировать предметы на фотографиях, соотнести их с предметами вещевых коллекций Грубауэра (малая толика этой работы уже сделана при помощи специалистов из музея Сабаха), составить комментарий относительно функционирования этих предметов в культуре отчасти можно и не покидая рабочего места, при помощи существующих трудов по культуре Сабаха. Однако лишь отчасти, так как в этнографии Сабаха до сих пор многое не исследовано, и иллюстративные и вещевые коллекции МАЭ из этого региона способны восполнить некоторые важные пробелы, но только при условии соотнесения с другими, в том числе первичными, источниками.

Поэтому для подготовки всесторонней и информативной публикации фотографий и предметов, привезенных Грубауэром, представляется необходимой дальнейшая более продолжительная полевая работа во всех точках маршрута немецкого путешественника.

Библиография

Касаткина А.К. Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 277–281.

Касаткина А.К. Северный Борнео глазами Альберта Грубауэра // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 130–135.

Касаткина А., Толмачева Е. Музейная фотография как этнографический источник // Международная научно-практическая конференция

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН

в рамках V Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник». М., 2010. С. 217–229.

Кисляков В.Н. Материалы к истории комплектования индонезийского фонда (Коллекции К. Машмейера, Г. Мейсснера и А. Грубауэра) // Культура и быт австронезийских народов. Сборник МАЭ РАН. Т. LIII. СПб., 2007. С. 185–237.

Ревуненкова Е.В. История индонезийских коллекций в Кунсткамере — Музее антропологии и этнографии РАН // Индонезия. Малайзия. Сингапур. Филиппины. Нусантарский сборник 1993–1994. СПб., 1994. С. 5–12.

Ревуненкова Е.В. О батакской коллекции Кунсткамеры // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. С. 151–167.

Соболева Е.С. Иллюстративные музейные коллекции как этнографический источник (на примере индонезийского фонда МАЭ) // Сборник МАЭ РАН. Т. 48. 2000. С. 190–195.

Толмачева Е.Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 38–42.

Bravman B. Using of Old Photographs in Interview: Some Cautionary Notes about Silences in Fieldwork // History in Africa. Vol. 17. 1990. P. 327–334.

Collier J., Collier M. Visual anthropology. Photography as a research method. University of New Mexico Press, 1986.

Collier J. Photography and visual anthropology // Principles of visual anthropology / Ed. by Paul Hocking. Mouton de Gruyter. B.; N.Y., 2003. P. 235–254.

Geary C.M. Photographs as materials for African history: some methodological considerations // History in Africa. Vol. 13. 1986. P. 89–116.

Helm J. Dogrib folk history and the photographs of John Alden Mason: Indian occupation and status in the Fur trade, 1900–1925 // Arctic Anthropology. Vol. 18. № 2. 1981. P. 43–58.

Kaplan F. Fragile legacy: photographs as documents in recovering political and cultural history at the royal court of Benin // History in Africa. Vol. 18. 1991. P. 205–237.

Scherer J. Ethnographic photography in anthropological research // Principles of visual anthropology / Ed. by Paul Hocking. Mouton de Gruyter. B., N.Y., 2003. P. 201–216.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-223-4/
© МАЭ РАН